

КЛАССИЧЕСКОЕ

Франк Коуэл

БЫТ

РЕЛИГИЯ

КУЛЬТУРА

ДРЕВНИЙ РИМ

Франк Коуэл

**Древний Рим. Быт,
религия, культура**

«Центрполиграф»

Коуэл Ф.

Древний Рим. Быт, религия, культура / Ф. Коуэл —
«Центрполиграф»,

В книге представлена история Древнего Рима – главного города западного мира, центра Римской империи и цивилизации, с начала его возникновения до эпохи императоров династии Антонинов. Автору удалось передать неувыдаемое очарование Вечного города и осветить все стороны жизни его обитателей: культурные традиции, систему образования, семейный уклад, социальный строй, религиозные представления, возникновение и развитие ремесел. Книга богато иллюстрирована.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава 1	7
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСШИРЕНИЕ ГОРОДА	7
ДОМА И ЖИЛИЩА	11
МЕБЛИРОВКА	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Франк Коуэл

Древний Рим. Быт, религия, культура

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Захватывающее дух зрелище представляло путешественнику при приближении к городу Риму в первые четыре века нашей эры. Неисчислимое множество домов, величественных дворцов, храмов, общественных зданий, памятников и святынь, блеск и великолепие, не знающее равного ни в одном другом городе тогдашнего мира, простиралось насколько хватало взгляда.

На протяжении долгого времени Рим был главным городом в западном мире, постоянно обогащаемым военной добычей, данью и огромной прибылью от управления судьбами других стран и народов. Он был центром Римской империи и цивилизации. Состояния некоторых его богачей и правителей были сказочными, хотя много средств расточалось на роскошное убранство домов, удовлетворение прихоти самых невероятных сумасбродств, какие только можно вообразить, и, хотя приходилось тратить большие суммы на неуместную благотворительность, чтобы поддержать и развлечь огромные толпы праздных бедняков, многие из состоятельных людей выделяли часть своих средств на украшение города.

Очень трудно было решить, к какому именно периоду истории отнести повествование. Как никто не станет предпринимать попыток описывать исчезнувшую повседневную жизнь Лондона, не приняв решения, описывать ли Лондон времен англосаксов, норманнов, Плантагенетов, Тюдоров, Стюартов, ганноверцев или Викторианской эпохи, так невозможно и передать даже относительно адекватное впечатление о повседневной жизни в Древнем Риме, не соотнося ее либо с древними днями царей в V веке до н. э. и с отцами-основателями республики в героические дни IV, III и II веков до н. э., либо с более поздними днями волнений во время жестоких гражданских войн I века до н. э., либо с самым продолжительным периодом четырех последующих столетий римских императоров, с периодом величия, когда могущество Рима выросло до невиданных высот лишь для того, чтобы ослабиться в III и IV веках и безвозвратно рухнуть в V веке. Какой бы период мы ни пытались рассмотреть через туман прошедших веков, картина всегда будет смазанной и изменчивой. Несмотря на то что многие римляне предпочитали думать о Риме как о чем-то постоянном и вечном, они все сильнее и сильнее осознавали перемены к худшему, для порицания которых с ходом времени наиболее мыслящие среди них находили все больше оснований.

В книге предпринята попытка рассказать о неувядаемом очаровании Рима, изобразить схематичный набросок жизни римлян в целом.

Эти краткие сведения помогут представить общую картину характерных черт повседневной жизни в Древнем Риме, по мере того как она развивалась от деревенской простоты земледельцев-солдат ранней республики до утонченности эпохи императоров династии Антонинов во II веке н. э.

То заглядывая вперед, то возвращаясь назад, можно будет прочувствовать изменчивость римской жизни и осознать все значение избитой английской поговорки, утверждающей, что Рим был построен не за один день, а также широко цитируемой строки из Вергилия об эпических достижениях его соотечественников:

«Tantae molis erat Romanam condere gentem»¹.

¹ «Так было трудно заложить основание римского народа» (лат.) (Вергилий. Энеида, I, 33).

Глава 1 ГОРОД РИМ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСШИРЕНИЕ ГОРОДА

Несравненная Рома², богиня земли и ее людей, удивила древний мир. Необыкновенная история Рима – это история превращения горстки деревенских лачуг VIII и VII веков до н. э. в огромный мегаполис I века н. э. и далее, который в некоторых отношениях был великолепнее всего, что можно было увидеть на земле до этого или после. Однако не во всех отношениях, поскольку наряду с величайшим великолепием наблюдались вонь, неудобства и сильно презируемая бедность и нищета.

Ни одно поколение школьников заставляли сосредоточенно разглядывать план Древнего Рима, заучивать наизусть названия так называемых «семи холмов» и древней главной канализации, «Слоаса Махима» – Большой клоаки. Шесть из этих семи холмов – Капитолий, Палатин, Целий, Эсквилин, Виминал и Квиринал, окружающие небольшое углубление, или долину, которая в древние времена, скорее всего, была болотом. Чуть южнее этого кольца лежал седьмой холм, Авентин. К западу от них протекала река Тибр, желтая от песка и ила, а вдали, на противоположном берегу, располагалась более длинная цепь холмов, Яникул.

К началу V века до н. э. небольшие поселения, которые постепенно образовывались на Палатине, Эсквилине и Квиринале, разрастались и объединялись в более компактное сообщество, окруженное оборонительной стеной, приписываемой царю Сервию Туллию (578 – 535 гг. до н. э.), хотя она была выстроена уже после его правления. К тому времени, видимо, различались четыре отдельных района или квартала города: Субура, Эсквилин, Коллина и Палатин. Люди, жившие в этих кварталах, вероятно, считали, что их собственное местечко, часть города с только ей присущими характерными чертами, ставшая им родной, в истинном смысле этого слова является сердцем Рима, пожалуй, как парижане, крепко привязанные к своему кварталу. Защитное сооружение, так называемая Сервиева стена, которой были обнесены все четыре района, тянулась почти на пять с половиной миль.

Деревья, росшие на склонах семи холмов, постепенно оскудевали, а склоны расчищались по мере того, как деревянные лачуги медленно сменялись крытыми черепицей, каменными одноэтажными домами, над которыми возвышались немногочисленные храмы во главе с большим храмом Юпитера, бога – покровителя Рима, на Капитолийском холме. Эти храмы постепенно ветшали и начинали разрушаться, а низкие домики расползались вокруг них и по всем семи холмам, так что пастбища приходилось искать за пределами этих четырех кварталов, там, где росла пшеница и где стали сажать оливы и виноград. Улочки и переулки с глубокими колеями со временем обретали покрытие – их выкладывали гравием из Тибра.

Поколения римлян жили и умирали, так и не увидев каких-либо значительных и поразительных изменений в их относительно примитивном жизненном укладе с доморощенными продуктами питания, кустарной одеждой и простой мебелировкой. Старинные этрусские храмы VI века с терракотовыми украшениями снова и снова латались и перелатывались. Постоянная война в Италии истощала энергию и ресурсы римлян, и, пока они хранили верность обычаям предков, ничто, если не крайняя необходимость в существенном ремонте, не могло подвигнуть их на обновление или перестройку. Вплоть до III века до н. э. не наблюдалось никаких значительных изменений в этом медленном и монотонном прибавлении лачуг и незамысловатых

² Рома – мощь, могущество (греч.).

одноэтажных домов. Затем картина начала меняться со все возрастающими темпами. Войны с Грецией на юге Италии и завоевание Сицилии в Первую Пуническую войну против северных африканцев из Карфагена (264 – 242 гг. до н. э.) впервые познакомили римлян с греческой архитектурой. Своим изяществом и очарованием она произвела на них такое глубокое впечатление, что, не отступая полностью от своих традиций, они принялись строить несколько скромных храмов в новом архитектурном стиле. Греческие статуи изумительной красоты, которые никакие средиземноморские народы, за исключением, пожалуй, этрусков, так и не научились ваять, начали ввозиться в Рим в качестве военных трофеев.

Сильный спад произошел приблизительно между 250 годом до н. э., когда мужчин в возрасте более 17 лет в Риме насчитывалось около 300 000 и 200 годом до н. э., когда это число снизилось до 200 000 и менее. Вторая великая война с Карфагеном принесла огромные потери. Но восстановление было быстрым. По мере того как римские войны распространились на Ближний Восток и во II веке до н. э. римские войска доказали свою непобедимость, постоянно растущий поток военной добычи тек в Рим. Происходили также и некоторые местные улучшения.

В середине II века до н. э. число жителей мужского пола перевалило далеко за 300 000, поэтому общее население Римского государства теперь распространилось по большей части Центральной Италии. Мужчин, женщин и детей насчитывалось около миллиона. Приблизительно в это время неподалеку от города было открыто месторождение, которое обеспечило строителей Рима новым и отличным известняком, гораздо более прочным, чем туф, из которого они по большей части строили.

Большие по размеру и более прочные здания, храмы, арки и мосты теперь можно было возводить, используя известняк, который по сей день можно увидеть в более поздних постройках, таких как собор Святого Петра в Риме, построенный в основном из камня, добытого еще древними римлянами.

Великий Марсианский акведук был построен в 144 году до н. э., чтобы доставлять новые запасы воды в город. Первый каменный мост через Тибр датируется тем же периодом (142 г. до н. э.). Гравийные дороги и улочки в городе были вымощены камнем и вулканической лавой, доставленной с близлежащих Альбанских холмов, бывших когда-то действующими вулканами.

К этому времени общепризнанная необходимость жить за защитными стенами и воротами была забыта. Дома давно перевалили через древние границы четырех районов, занимая все более широкие пространства на окраинах, которые, в свою очередь, стали частью самого города. Толпы на узких улочках и в центре, на Форуме, становились гуще и оживленнее.

Возводилось не только все больше и больше домов, но, как будет видно из следующего раздела, они становились более просторными и роскошными, чем те, что ранее были доступны частным гражданам. Тем не менее в I веке до н. э. все еще наличествовали и нищета и бедность, которые наверняка должны были сильно усугубиться продолжительным периодом гражданских конфликтов, приведших к падению Римской республики и реконструкции государства Августом.

Когда наконец наступил мир, люди снова обрели уверенность и стали вкладывать деньги в строительство, Август преобразовал город, разбив его на 14 районов. В 6 году н. э. он создал первые в Риме отряды стражей порядка и пожарные команды. Они набирались из вольноотпущенников, которым давалось полное гражданство после шестилетней службы. Каждая когорта числом около 1000 человек следила за двумя городскими районами. Люди были экипированы топорами, ведрами и не слишком эффективными кожаными шлангами и ручными насосами, но, как позднее показали потрясающие пожары и горькие жалобы римлян, они не могли полностью избавить горожан от ужаса перед частыми пожарами.

Гордое заявление Августа, что он нашел город из кирпича, а оставил – из мрамора, было сильно преувеличено, но не вызывает сомнений, что мир и процветание, ставшие возможными ко времени его правления, привели к широкому строительству и перестройкам.

Тон был задан и подан пример, поэтому неудивительно, что многие императоры, сменявшие Августа в качестве главы Римского государства, во многом превзошли его более скромные, хотя и достойные начинания. Однако самые впечатляющие события произошли позднее и не обрели полного размаха до начала I века н. э. К тому времени население города, по-видимому, составляло около миллиона человек.

Строительство и перестройка продолжались всегда, иногда из чистой необходимости, как после знаменитого пожара 64 года н. э., во время которого Нерон, как известно, перебирал струны своей кифары и декламировал стихи собственного сочинения; пожар этот буквально стер с лица земли большую часть города.

Это была не первая катастрофа, поскольку в предыдущие столетия Рим также разрушали пожары и землетрясения. Римляне никогда не забывали захват и сожжение своего города маро-дерствующими галлами, огромные полчища которых обрушились на них в начале IV века до н. э. Большие пожары также случались в 213 году до н. э. и в 192 году до н. э., когда толчки землетрясения продолжались на протяжении целого месяца. Узкие многолюдные улочки и переулки, изобилие дерева в каркасах построек и конструкциях крыш – все это превращало горящий дом в огромную опасность, предотвратить которую зачастую было для окрестных построек не по силам городским когортам пожарных.

После разрушительного пожара 64 года н. э. неповрежденными сохранились только четыре из 14 районов города. Три были полностью уничтожены, еще семь – безнадежно разрушены. Тогда император Нерон (54 – 68 гг. н. э.) выстроил себе дворец – Золотой дом в парке столь просторном и столь великолепном, что стали распространяться злобные сплетни о том, что император устроил поджог, чтобы освободить место для своего дворца. По другим сведениям, Нерон хотел расчистить Рим от старых непрочных построек и освободить его от узких извилистых улиц, чтобы переделать город по упорядоченному плану, какой он видел во многих греческих городах. Во всяком случае, Нерон с облегчением вздохнул после того, как разрушения были произведены, а его новый дворец закончен. «Наконец-то, – сказал он, – я смогу жить по-человечески». После смерти Нерона Тацит описывал эту часть Рима как район, в котором не было ни одного постороннего дома. Поэтому, когда позднее император Тит (79 – 81 гг. н. э.) закончил строительство огромного амфитеатра, начатого его отцом, императором Веспасианом (первым из рода Флавиев), на месте дворца Нерона, один из его обожателей сказал, что он вернул Риму его прежний облик. Нерону приписывается грандиозный план расширения узких улочек города, через которые соседи, живущие в домах напротив, могли пожать друг другу руки с балконов верхних этажей. Нерон не снискал благодарности за свои начинания, последовали жалобы, что более широкие улицы подвергали римлян палящим лучам солнца, которое живущие на нижних этажах прежде видели не часто. Видимо, он не завершил свою задачу, поскольку Ювенал два поколения спустя все так же жаловался на узость извилистых улочек. Названия улиц, по-видимому, обычно нигде не отображались, дома и лавки не имели номеров, поэтому постороннему было очень непросто найти дорогу в городе.

Эра мира и благоденствия в сочетании с гораздо большим размахом общественного строительства стала возможной при эффективном и экономном способе правления первых двух императоров из рода Флавиев. Эти начинания продолжал Домициан (81 – 96 гг. н. э.), брат Тита, до тех пор, пока не впал в порок и не погрузился в жесточайший террор. Потом начался золотой век Римской империи при императорах Нерве, Траяне, Адриане, Антонине Пие и Марке Аврелии (96 – 180 гг. н. э.). Величественные и знаменитые сооружения: здания, рынки, термы, храмы, усыпальницы, амфитеатры, сады, триумфальные арки, дороги, статуи и другие памятники – намеренно концентрировались в Риме, пока он не достиг своего величия и

величия и не стал поистине одним из чудес света. По-видимому, ни один город ни до этого, ни после никогда не вызывал такого восхищения и такой игры воображения человечества.

Немногие из миллионов туристов, которые в наше время толпятся на развалинах Форума, где произносил свои речи Цицерон и было сожжено тело Юлия Цезаря, как зачарованные смотрят на громадный Колизей или стоят, изумленные, под огромным куполом Пантеона, могут представить себе город в том изначальном виде, каким он был в конце IV века н. э.

Римский Форум был центром притяжения, поскольку именно там римляне традиционно собирались со времен первых сельских поселений на семи холмах.

Великих событий в истории Рима, которые так или иначе не связаны с Форумом, немного. Здесь можно увидеть могилу Ромула, легендарного основателя города в 753 году до н. э., под знаменитым Черным камнем, святилище Венеры Очистительницы, где своим отцом была умерщвлена Виргиния, храм Кастора и Поллукса в честь богов-близнецов, которые объявили народу о великой победе, одержанной римской армией в битве с латинянами в 484 году до н. э., и «золотую мету»³, центр римского мира, по которому отмерялись мили всех дорог, ведущих в Рим. Оглушенным шумом и напуганным огромными людскими толпами туристам покажут роstrу, с которой произносили речи все великие общественные деятели Рима. Там народ прощался с телом Юлия Цезаря, и именно там сложили руки Цицерону, после того как он был убит Марком Антонием и цезарианцами.

³ Счет милям велся от «золотой меты» (*miliarium aureum*) – позолоченного бронзового столба, поставленного Августом на Форуме. Начиная от него, через каждую милю на дорогах ставили милевые столбы. Римская миля составляла около 1,5 км (1480 м).

ДОМА И ЖИЛИЩА

Точно так же, как сегодня тысячи людей, которые могли бы жить в любом другом месте, намеренно предпочитают селиться в самом городе или рядом с Лондоном, Нью-Йорком или любым другим большим городом, жители империи поддавались соблазнам Рима. После I века н. э. нигде в мире не было города, равного Риму: Афины и Александрия, несомненно, могли многое предложить, но они были гораздо меньше. Как мировой центр политической и административной жизни, как исток социальных различий, как законодатель нового стиля и образа жизни Рим был уникален. Стремление жить в Риме увеличивало все цены, повышало стоимость жизни. Ювенал говорит о Риме:

Здесь же нарядов блеск превосходит силы, здесь тратят Больше, чем нужно, притом иногда из чужого кармана. Это здесь общий порок: у всех нас кичливая бедность. Много тут что говорить? На все-то в Риме цена есть...

Но моралисты, осуждающие все пороки и неудобства жизни в Риме, вероятно, получали ответ, похожий на тот, что Сэмюэл Джонсон⁴ дал одному критику лондонской жизни в XVIII веке:

«Нет, сэр, если человек устал от Лондона, он устал от жизни; ведь именно в Лондоне есть все, что только может предоставить жизнь».

Невозможность обеспечить жильем всех желающих проживать в Риме заставила римлян до дней империи прибегнуть к такому же решению, что превалирует сегодня в больших городах, таких как Париж или Нью-Йорк. Очень немногие и только богатые люди могли тогда позволить себе жить в городском доме или отдельной вилле. Подавляющее большинство проживало в доходных или многоквартирных домах, обычно не выше трех-четырех этажей. В период ранней империи Август ограничил высоту домов до 20 метров по причине их довольно шаткой конструкции. Строители, по-видимому, стремились экономить камень. С ходом времени римляне все больше использовали при строительстве стен и полов свой отличный известковый раствор. Этот раствор был таким крепким, что его зачастую принимают за современный бетон.

К концу республики состоятельные и знатные семейства, владеющие собственными домами, превращали их в очень элегантные особняки. Некоторые были поистине роскошными, богато украшенными мраморными колоннами, полами и стенами, щедро увешанными занавесями и уставленными элегантной мебелью из слоновой кости, бронзы и редких сортов дерева. Их общий план был всегда одинаков – ряд комнат, сосредоточенных вокруг внутреннего двора либо квадратного или четырехугольного резервуара – атрия, и еще несколько комнат, выстроенных вокруг примыкающего второго двора или сада. Обычно дом был одноэтажный, но иногда спальни располагались на втором этаже. Подобная конструкция распространилась в период республики. Более ранняя римская версия такой конструкции включала в себя единственный внутренний дворик с низкой крышей, с четырех сторон слегка наклоненной в направлении середины дворика, над которым оставляли проем, чтобы дождевая вода стекала в резервуар, установленный внизу, и выходил дым из домашнего очага.

Когда римляне стали богаче, они добавили к этому атрию второй дом. Он строился по греческому образцу и назывался перистиль, что значит «часть здания, окружающего двор». В более просторных жилищах богатых римлян и в провинциальных городах, таких как Помпеи, этот внутренний двор становился садом. В Риме многие состоятельные люди были вынуждены довольствоваться садами на крыше солнечной террасы, где, по-видимому, находились плодо-

⁴ Сэмюэл Джонсон (1696 – 1782) – философ, педагог, религиозный деятель, первый президент Королевского колледжа, ныне – Колумбийского университета.

вые деревья и пруды с рыбой. Семейные спальни, домашний алтарь, очаг и кухня, столовая и книгохранилище или библиотека, если владелец интересовался литературой, находились в таком перистиле.

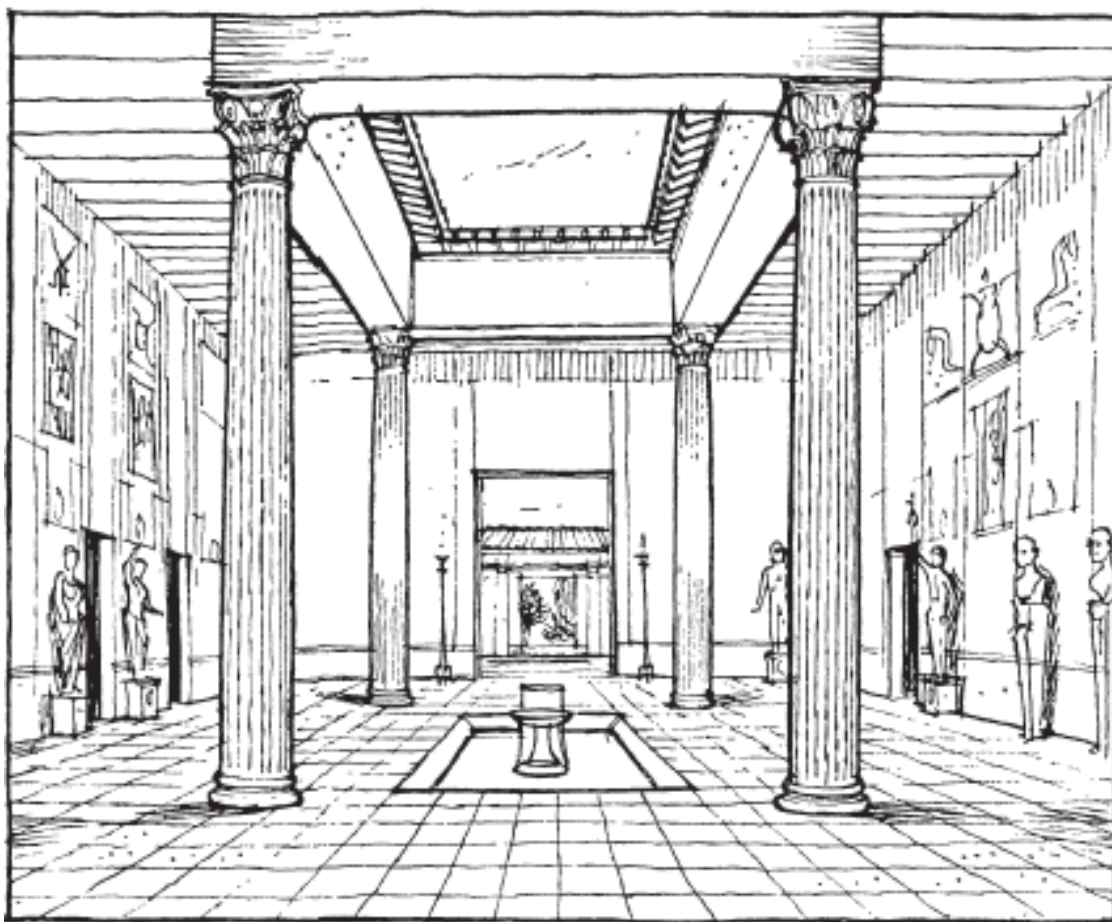

Рис. 1. Атрий – центральный дворик римского дома

Позднее атрий стал залом приемов, где состоятельный владелец выслушивал во время своей утренней аудиенции раболепных клиентов. Его помещения, не столь большие по размеру, могли быть тогда использованы как подсобные помещения и кладовые. Внешние стены таких домов обычно лишены окон, хотя у некоторых были небольшие окошки. В городе, где, как и в Лондоне, очень долго не было никаких полицейских сил, защита от грабителей была насущной необходимостью, о чем свидетельствуют массивные двери, запирающиеся на щеколды и засовы и всегда охраняемые рабами и, видимо, злыми собаками.

Исключая дома очень состоятельных людей на Палатинском холме, который в период империи все чаще и чаще застраивался императорскими дворцами и виллами состоятельных людей на берегах Тибра и в пригороде, подавляющее большинство римских жилищ располагалось в многоквартирных и доходных домах в менее фешенебельных районах города. Эти жилища были строго утилитарными, по большей части состоящими из небольших комнат, зачастую построенными над лавками, с окнами, закрываемыми ставнями и выходящими на улицу или во внутренний дворик. В период поздней республики и во время империи эти доходные дома стали столь многочисленными, что заполнили «островок», со всех четырех сторон окруженный улицами.

Такой квартал назывался инсулой («остров»). Приблизительно в 350 году н. э. был проведен подсчет, показавший, что в Риме в то время находилось 44 173 инсулы, но всего лишь

1782 частных дома. Можно было купить этаж или комнату, но обычно квартиры снимали. Рисковые строители и состоятельные люди, имеющие свободные деньги, вкладывали их в жилье, получали неплохие доходы, сдавая комнаты, которые были недешевыми.

Сохранились сведения, что Юлий Цезарь, возвращаясь с гражданских войн, чтобы отпраздновать свои победы пятью отдельными великолепными триумфальными процессиями, даровал годовую арендную плату в Риме для арендаторов, которые платили 12 000 сестерциев или меньше, а в Италии – до 500 сестерциев.

Следовательно, плата за жилье в Риме была в четыре раза выше, чем в провинции. В то же время Юлий Цезарь даровал каждому из ветеранов-легионеров по 24 000 сестерциев «в качестве военной добычи». Ежегодный доход от такой единовременной выплаты при хорошем инвестировании мог составить как раз приблизительно годовую плату за скромную комнату в дешевом доходном доме в Риме, или же на эти деньги можно было купить сразу гораздо лучшее жилище в провинции.

Если от игр цирковых оторваться ты в силах, то можешь
В Соре купить целый дом, в Фабатерии, во Фрузионе;
Столько отдашь, сколько стоит на год городская каморка...

Так говорил Ювенал. Эти небольшие городки находились рядом с родиной Цицерона, не более чем в 60 милях к юго-востоку от Рима. Естественно, многие люди платили больше, чем бывшие солдаты, за более просторные квартиры в основательно построенном доме в хорошем районе города; нам известно об арендной плате в 30 000 сестерциев в год за квартиру на третьем этаже, которая, однако, по словам Цицерона, была в три раза больше, чем следовало.

Удобства большинства домов и квартир, судя по нашим стандартам, были не слишком большими, хотя в период поздней империи и произошло некоторое улучшение. Только тогда даже более роскошные дома стали хорошо отапливаться. Центральное отопление у римлян осуществлялось за счет полостей под полом и полых стен, где дым и тепло от огня могли циркулировать в подвальном пространстве. На протяжении республики и ранней империи римляне согревались у открытых угольных жаровен в комнатах, поэтому претерпевали значительные неудобства в короткие, но холодные зимы. Мраморные стены и каменные или мраморные полы определенно были тогда настоящим бедствием для голых ног, обутых в сандалии.

На верхних этажах полы делали из деревянных досок. Состоятельные граждане устраивали так, чтобы одна из их столовых непременно была обращена на юг и можно было извлекать пользу из любого тепла, которое способно дать зимнее солнце. Насколько нам известно, в комнатах не было каминов и дымоходов, за исключением, возможно, немногочисленных кухонь. К тому же почти на закате империи в окна стали вставлять толстые мутные стекла.

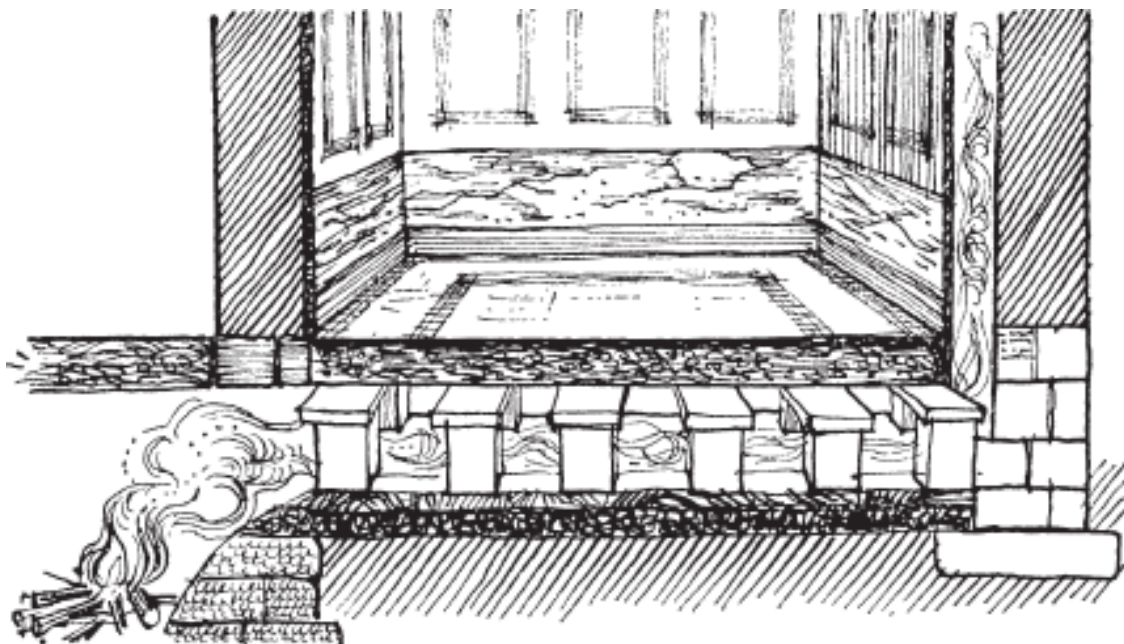

Рис. 2. Гипокауст – отопительная система в домах Древнего Рима

Кроме полупрозрачных алебастровых пластин или другого тонкого материала, закрывающего окно, использовались деревянные ставни, которые не пропускали свет.

Римские спальни, по-видимому, были очень душными, особенно зимой. Плиний советовал избавляться от запаха затхлости, сжигая хлеб. Вода подавалась по свинцовым трубам из огромных общественных акведуков, но только для людей состоятельных, потому что пользователи должны были платить за нее в зависимости от размера водопроводных труб. Марциал, который вел жизнь представителя среднего класса, сетовал, что его дом не освежала и капля воды, хотя совсем близко журчал Марсианский акведук. Не было ничего необычного в том, что римляне пытались избежать платы, тайком отводя воду через собственные трубы, иногда с попустительства рабочих, прокладывающих водопровод, соответствующим образом подкупленных взяткой.

Роскошные частные дома, начиная с заката республики и далее, имели богато украшенные ваннные комнаты, чтобы состоятельному владельцу и его семье не приходилось присоединяться к толпам в публичных термах, хотя многие все-таки посещали их ради возможности общения. Туалет, видимо, располагался рядом с кухней, ближе к источнику воды в доме.

Как жители в кварталах доходных домов существовали в таких условиях, не ясно. Многим, вероятно, приходилось носить воду из фонтана и пользоваться общим туалетом на нижнем этаже или публичными отхожими местами на улицах, а также публичными банями (местом, где можно было согреться зимой). Помои и нечистоты, выплескиваемые из окон верхних этажей вниз на улицу, были неприглядной стороной повседневной жизни в Древнем Риме, что также практиковалось в Лондоне или Эдинбурге до относительно недавнего времени.

Много других по ночам опасностей разнообразных:
Высятся крыши домов, и, сорвавшись с них, черепица
Голову всю разобьет! Постоянно из окон открытых
Вазы осколки летят и, всей тяжестью брякнувшись оземь,
Всю мостовую сорят. Всегда оставляй завещанье,
Идя на пир, коль не ленив и случайность предвидишь:
Ночью столько смертей грозит прохожему, сколько
Ты на дороге своей встречаешь отворенных окон;

Вот и молись потому, вознося плачевную просьбу,
Чтоб лишь помоями ты был облит из широкого таза... —

сетовал Ювенал.

Жизнь небогатых римлян сопровождалась известной долей риска, в четырех стенах их жилищ, по большей части обветшавших, и в Риме многие из них имели вошедшую в легенду краткую жизнь из-за шаткой конструкции.

...Мы населяем столицу
Все среди тонких подпор, которыми держат обвалы, —

сетовал Ювенал.

Боязнь обрушения зданий зачастую превращалась в навязчивую идею. Не меньше был и риск пожара.

«Жить-то надо бы там, где нет ни пожаров, ни страхов», — говорил Ювенал, знавший опасности дешевого жилья.

Вот задымился и третий этаж, а ты и не знаешь:
Если с самых низов поднялась тревога у лестниц,
После всех погорит живущий под самую крышей...

МЕБЛИРОВКА

Римляне не имели мебели в современном понимании этого слова. Они, подобно японцам, жили в полупустых, минимально обустроенных комнатах. Отличия в обстановке среднего римского дома времен республики и империи, определенно, были. В римское средневековье, как и в Англии, все ценное имущество римлянина, кроме одежды первой необходимости и простой грубой кровати и кушеток, состояло из набора грубых сельскохозяйственных орудий: заступа, лопаты, косы, серпа, молотка, топора, ножа, граблей, мотыги и плуга, а также военного снаряжения: короткого меча, щита и копья. У женщин были веретено, ткацкий станок, стул или табурет, камни для перетирания зерна в муку или мельница, немногочисленная глиняная посуда и металлическая утварь для приготовления пищи. Женские личные украшения в те далекие дни были немногочисленными и простыми: деревянный или костяной гребень, кольцо и пара больших брошей, несколько костяных или металлических шпилек для волос, возможно, браслет или два, несколько пар сережек, хранимые в простой терракотовой или самшитовой шкатулке для безделушек, а также полированное металлическое зеркальце. У детей были немногочисленные простые игрушки и игры.

В так называемом золотом веке Римской империи, приблизительно 300 – 400 лет спустя, картина была совершенно другая. Исчезли маленькие лачуги и домики, вместе с ними исчезло боевое оружие, а также сельскохозяйственные инструменты. Для того чтобы найти веретено и ткацкий станок, следовало заглянуть в жилища рабов некоторых больших домов, хотя там и сям пара-тройка семей, гордящихся тем, что соблюдают древние традиции, никак не составляла подавляющего большинства. На чердаках лачуг и в тесных кварталах бедноты ничто не занимало места этого почитаемого традиционного оборудования. Марциал, скорбя о бедности римлян, описывал жалкие пожитки при переезде: хромоногое низкое ложе и столик на трех ножках, а с ними фонарь, миска, треснувший и протекающий ночной горшок, горлышко большой бутылки, закатившееся под позеленевшую медную жаровню, и смердящий кувшин. Все это, с добавлением нескольких изорванных покрывал на постели, ножей и ложек, сосудов для питья и, возможно, пары потертых старых сундуков, составляло основное имущество тысяч обедневших римлян.

Чем выше римлянин взбирался по социальной лестнице, тем больше он тратил на меблировку своего дома, но деньги уходили не столько на количественное приумножение предметов домашнего имущества, сколько на приобретение высококачественных товаров.

Ножки ливийских столов у тебя из кости индийской,
А у меня черепком буковый столик подперт.
Под непомерных барвен⁵ у тебя золоченые блюда,
А у меня-то под цвет плошки краснеется рак... —

говорил Марциал.

Состояния тратились на изящные маленькие столики из редких пород древесины и слоновой кости. Цицерон потратил полмиллиона сестерциев только на один стол. Всего на пять процентов суммы этот человек, такой как Марциал или Ювенал, мог бы прожить в скромном комфорте. Известно, что друг Цицерона, Азиний Поллион, потратил на стол сумму в два раза большую.

Цена мебели зависела от редкости дерева – кипарис это, к примеру, или цитрусовое дерево – и от того, вырезан ли предмет из единого куска древесины у комля дерева, где оно имело исключительно замысловатый рисунок или узорчатый срез. Стулья не были обыденной,

⁵ Барвена – дорогая рыба.

повседневной вещью, как теперь у нас. Традиционно считалось, что сидеть могла только знать; позволяли себе сидеть магистраты, судьи и женщины. Гостей также приглашали садиться из вежливости. Ученики в школе, те, у кого была сидячая работа – например, сапожники, завсегдатаи дешевых харчевен, – сидели на небольших круглых деревянных табуретах. Дома мужчины обычно возлежали на ложе, однако чаще всего пользовались складными стульями. Стулья со спинками и подлокотниками были редки и предназначались для женщин, пожилых людей и почетных гостей. На закате республики и в эпоху империи переносные портшезы были общеупотребительны. Некоторые вмещали двух седоков. Те, что предназначались для дам, были закрытыми вплоть до I века н. э., когда придерживающиеся консервативных взглядов были шокированы при виде того, что некоторых женщин носят в открытых сиденьях-носилках. Подобное новоизобретенное хитроумное приспособление появилось позднее, чем обычные носилки – летики, которые несли шесть или восемь носильщиков (четыре носильщика – признак бедности: именно столько людей несли гроб бедняка).

Рис. 3. Стул

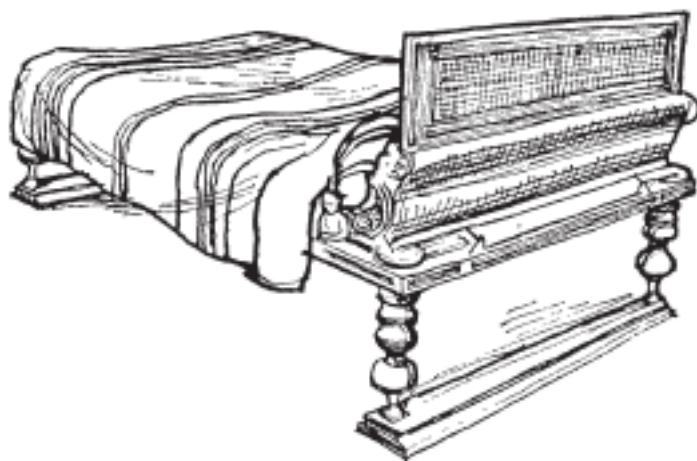

Рис. 4. Ложе

Восточные народы, которые имели обыкновение говорить, что греки не знали, как сделать удобную постель, были не слишком высокого мнения и о постелях древних римлян. Они представляли собой простые, довольно высокие деревянные рамы, на которые клали матрас, набитый соломой или шерстью, опиравшийся на кожаные ремни или сетку, с досками в изголовье и изножье. Покрывалом служило простое одеяло, пара одеял или тога; также имелась

подушка, набитая шерстью. Позднее, по мере того как мебель становилась все искуснее, лежа и кушетки стали богаче украшать, изготавливать из редкого, качественного дерева, инкрустировать слоновой костью, черепаховым панцирем и золотом. Покрывала в богатых домах также стали просто великолепными. Колыбели младенцев качали молодые рабыни.

Кроме заботы, чтобы вся основная меблировка была практичной, красивой, элегантной и по возможности до блеска отполированной, состоятельные римляне ничем не озабочивались и не захламляли комнаты.

У немногих были библиотеки, хотя преобладали более приземленные вкусы, когда средства шли на украшения и показную роскошь. Марциал упоминал человека, у которого «...в четыре фунта барвена блюдом была основным и украшением стола» вместе с хрустальными кубками, привезенными на кораблях с Нила; человека, чьи друзья, подобно его картинам и чашам, были подлинным «антиквариатом». Художники расписывали стены жилых помещений, мозаичные рабочие выкладывали полы, зачастую с непревзойденным умением. Они были очень востребованы, потому что римляне не покрывали полы коврами на восточный манер, что было неплохо, поскольку манеры их поведения за столом были примитивными, и ни один ковер долго не просуществовал в римской столовой. Богатые восточные ковры и драпировки, не толще среднего одеяла, привозили из других стран задолго до времен империи и использовали в качестве занавесей и покрывал.

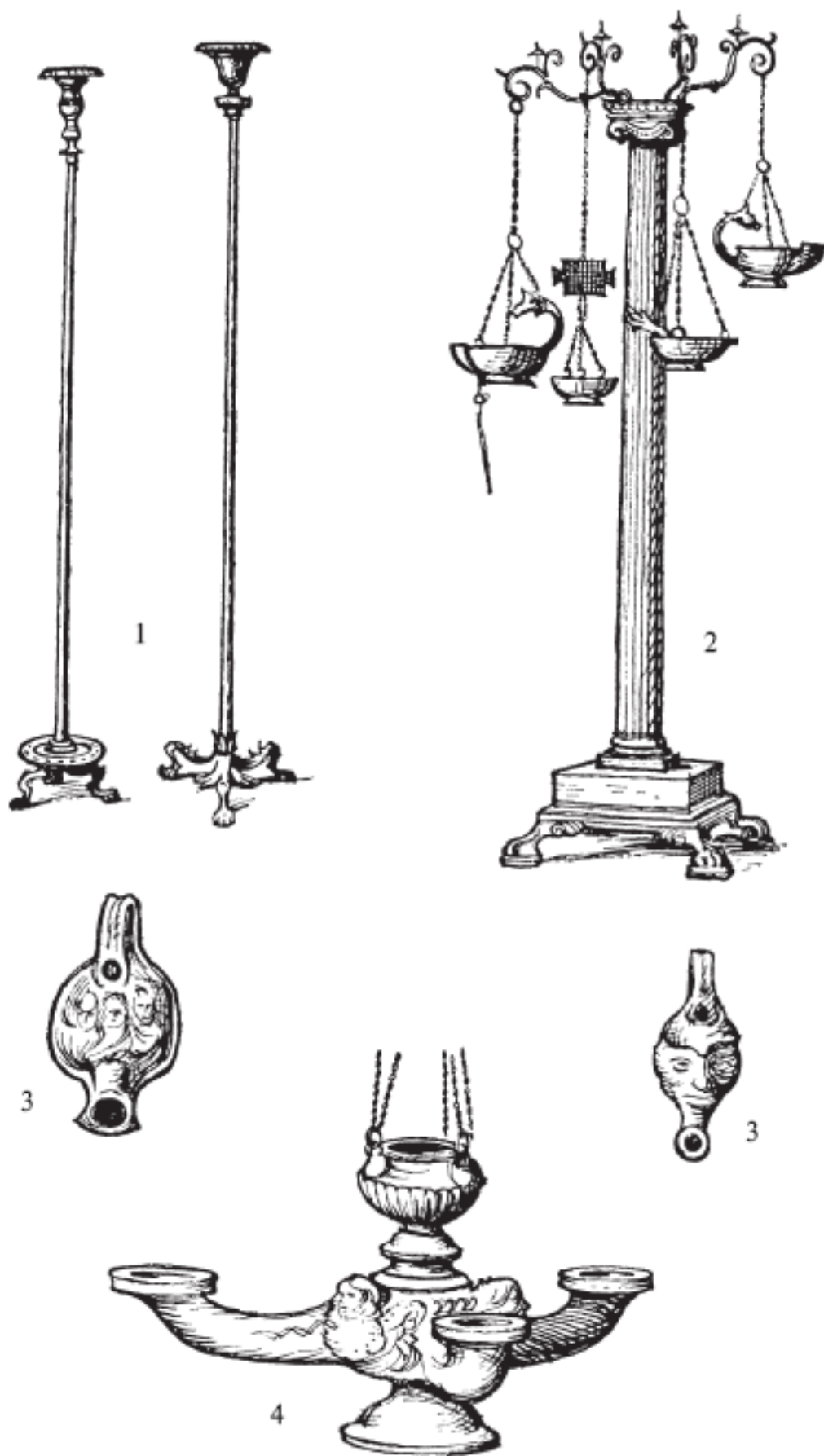

Рис. 5. Освещение в домах римлян: 1 – серебряные подсвечники; 2 – бронзовый светильник; 3 – керамические лампы; 4 – подвесная лампа

Угольные жаровни – единственный источник комфорта в холодную погоду – были элегантной конструкции и тонкой работы в богатых домах, где семье не нужно было собираться вокруг кухонного очага – при условии, что таковой вообще имелся, – где обычно тлели раскаленные угли, а то и горело пламя.

Если огонь угасал и угольки переставали тлеть, разжечь его снова было делом непростым. Первым средством было попросить огонька у соседа – тогда, как и сейчас, бедняки любили одалживать и часто просили в долг. Персонаж одной из пьес Плавта говорит, что огонь, вода, нож, топор, пестик и ступка – вот вещи, которые соседи всегда пытаются одолжить. Если это не получалось, приходилось выбивать искры и поджигать сухой трут, гнилушку, листья или серу. Когда не оказывалось под рукой кремня и огнива, выход, судя по Плинию, был таков: тереть один кусок дерева о другой, и для этого нет ничего лучше, чем получать огонь, пользуясь стволом плюща с углублением в нем. В ночное время лампы, в которых горело оливковое масло, были обычным источником света с очень давних времен. Они представляли собой простые плоские керамические блюда, имеющие ручку с одного конца и носик с другого, откуда выступал фитиль из перекрученных волокон льна или папируса, который свешивался вниз так, что, когда горел, пламя от него могло отбрасывать свет как вниз, так и в других направлениях.

Господин О’Дза в своей книге «История освещения и общество» свидетельствует о проведенном эксперименте с такой лампой, снабженной единственным фитилем. Она давала 40 – 50 часов света на одну пинту масла. В бедном римском доме такие расходы допускали очень неохотно, поскольку оливковое масло стоило денег, тому же оно употреблялось в пищу. Чем больше фитилей, тем лучше освещение, но больше и расходы. Одна огромная лампа с 14 фитилями, по словам Марциала, могла осветить всех пирующих, но лишь богатые могли себе это позволить. Свечи из сала со скрученным фитилем были римским изобретением. Пользовались ими в основном бедняки, но с тщательной экономией, потому что сало тоже можно было есть. Вековая традиция скупой экономии в использовании освещения до сих пор жива среди тех, кому нет нужды экономить, и берет начало с этих давних времен. Одна свеча, которая во многих домах была единственным источником света, что они могли себе позволить, давала мало света, разве только рядом с ее пламенем. Одна электрическая лампочка мощностью 60 ватт дает света в сто раз больше. Сотня свечей, расположенных в комнате, была бы более эффективна, чем одна такая электрическая лампочка, но немногие римляне могли позволить себе такое их количество. «Рано в кровать...» – было здоровым правилом для большинства римлян, но случались и исключения, такие, как люди, которых презирал Марциал:

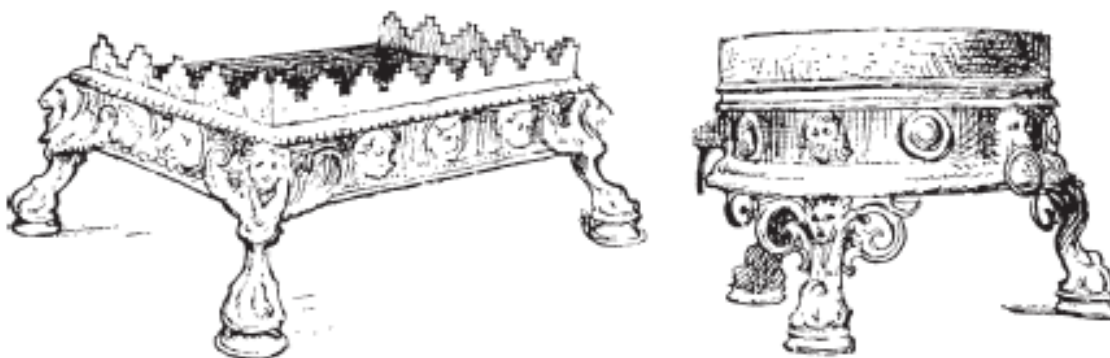

Рис. 6. Жаровни

Пусть это будет писать, кто суров чересчур и степенен
И освещает кого лампа среди ночи глухой.

С использованием ламп с открытым пламенем сильно возрастал риск возникновения пожаров, от которых страдал Рим, но свет был крайне необходим в помещениях с закрытыми ставнями, где люди, спотыкаясь в темноте, могли покалечиться или по неосмотрительности осквернить маленький алтарь, посвященный домашним божествам. Римлянам было известно существование неочищенной нефти или гарного масла, которую они называли либо жидким битумом, либо, на греческий манер, «нафта»; она, по словам Плиния, была столь негорюча, что никто не мог ею пользоваться.

Рис. 7. Глиняные (терракотовые) чаши и блюда

Кроме редких и дорогих золотых и серебряных чаш, блюд и других сосудов, украшающих буфеты, богачи обычно владели полным набором серебряных ложек – главный, если не единственный, римский столовый прибор, поскольку ножи и вилки, или трезубцы, использовались на кухне, но не за столом. Еду брали пальцами или ложками. Остроконечные ручки маленьких ложек гости использовали, чтобы извлекать улиток и моллюсков из их раковин, в то время как сами ложки применяли для того, чтобы есть яйца; ложки большего размера, похожие на наши десертные, отвечали всем требованиям, для которых пальцы не годились.

Вначале чаши и блюда в основном были глиняными, поскольку только богатые могли позволить себе металлические – бронзовые, серебряные и золотые, подобные роскошества считались показными.

У римлян, как и у греков, не было тарелок в современном смысле этого слова, отсюда необходимость в хлебе, салфетках, а также в рабах, подносящих сосуды с вином и водой и губками, чтобы мыть жирные пальцы и стол между подачей блюд. Роги использовались для питья с незапамятных времен, и с развитием цивилизации их стали украшать искусной резь-

бой, гравировкой, вставками из серебра, золота и драгоценных камней. Имелись разнообразные чаши, от грубых толстых мисок плембеев, не трескавшихся от кипятка, до кварцевых, которые, если боишься разбить, наверняка разобьешь, как говорил Марциал о «мировых» чашах, возможно из плавикового шпата с Востока, которые, судя по их цене, могли быть и фарфоровыми. Нерон за такую заплатил миллион сестерциев. Всевозможные гончарные изделия, формованные, выгравированные и без украшений, наряду с драгоценными изделиями древнегреческих серебряных дел мастеров, гравированная и покрытая инкрустациями старинная серебряная и золотая столовая посуда высоко ценились состоятельными людьми.

Домашние метлы из дикого мирта, тамариска или пальмовых веток, а также всевозможные щетки, выполненные из разнообразных материалов, ведра и сосуды для воды из керамики или бронзы были среди предметов домашнего обихода.

В дни заката республики и в эпоху империи доказательства великого богатства скорее можно было найти в дамских покоях, чем в комнатах их мужей. Золотые кольца, браслеты, надеваемые на щиколотку или на запястье, серьги, булавки, пряжки, броши, ожерелья, шпильки и изысканной работы ободки для волос, щедро усыпанные драгоценными камнями, в изобилии сыпались из дорогих шкатулок, которые сами по себе были драгоценностями. Ряды маленьких горшочков из алебаstra, мрамора и редкого камня содержали бесценные духи и эссенции. Все это намного превосходило скромные украшения представительниц среднего класса. Пышно разодетые женщины из богатых домов подняли личные украшения до никогда не виданных высот. Эти стороны роскошной жизни упомянуты здесь, хотя к ним мы еще вернемся, поскольку указывают на чрезвычайной важности перемену в римском образе жизни, перемену, которая находит примеры во многих других аспектах повседневности. Это была перемена, которую заметили сами римляне, а многие порицали, хотя и не предпринимали ничего, чтобы изменить собственный образ жизни. До того как это произошло, Энний, первый римский поэт, мог с гордостью похвастать в конце III века до н. э. в спартанские дни аскетизма республики: «Нравами предков сильна и могуча республика римлян». Двести лет спустя Гораций, видя изменения в манерах мужчин и женщин, окружавших его, вопрошал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.